

В ГОСТЯХ У НАРОДНОГО
Артиста СССР
Игоря Ильинского

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

ПОЕЗД Москва—Вильнюс отходит через два часа. Еще масса дел перед отъездом, еще не уложенные вещи, еще предстоят деловые разговоры по телефону, но тот, кто должен уезжать—народный артист СССР Игорь Ильинский, ведет себя так, словно отъезд предстоит через неделю. Волнуюсь я, а не он. Часы на столе не дают покоя. А Игорь Владимирович в мягком домашнем костюме, удобно устроившись в кресле, неторопливо и заинтересованно рассказывает, слушает.

— Сделано еще одно важное дело в жизни—поставлен голливудский «Ревизор». Уже была премьера, была пресса, обсуждение. Отшумели поздравления и улеглись волнения. Настало время посмотреть со стороны на свое детище и решить: нравится оно или нет. И вот вы меня застали как раз в роли такого стороннего наблюдателя, очень придирчивого, требовательного с отвратительным, я бы сказал, нетерпимым характером. Многие не нравятся, многие хотят сделать по-другому. Работая над «Ревизором», я отчетливо осознал, что не надо разжевывать для зрителя мысли автора, не надо их упрощать и облегчать в расчете на чью-то недалекость. Главное—вызвать ответное творчество, и только тогда зритель будет благодарен и уйдет со спектакля обогащенным. Но это-то и есть самое трудное, потому что искусство рождает исчерпанность и творчество у зрителей—активную работу их мыслей, напряжение чувств—может родить творчество актеров, рождающееся на сцене каждый раз по-новому и заново.

Можно привести сотни примеров, когда добросовестные актеры всю жизнь оставались ремесленниками, никогда не поднимаясь до вершин творчества, но я думаю сейчас о тех, чей талант и сила творчества вооб-

ражения рождали незабываемые впечатления и ощущения. И незабываемыми для зрителя они становились именно потому, что сам зритель был участником творчества—актер сделал его не только соперником, но и сотворцом, своим соавтором, поверив в него и пробудив в нем его творческое воображение.

Сегодня актерское мастерство решает судьбу театра. И все дело в человеческом содержании актерской личности. Помимо тонкости и точности приемов, у современного актера должен быть большой запас—багаж чувств, мыслей, эмоционального опыта и культуры, в который можно было бы погружаться и выбирать. Потому что именно актер—проводник идей и мыслей автора, зачастую очень сложных и противоречивых, и через его талант и интеллект они должны дойти до зрителя и тронуть его. Почетнейшая задача быть актером!

Мне на память приходят слова Станиславского—«Нет нашего сейчас, есть стремление из вчера в завтра». Это редкие слова по своей точности и определенности. Очевидно, тот, кто плохо ощущает свое историческое «вчера» и не представляет историческое «завтра», не может быть сегодня передовым художником. Необходимо чувствовать «связь времен» и себя по отношению к этой связи. Иногда ощущение это называют чувством современности у актера, я думаю, что вернее было бы назвать его чувством движения времени. Нет ничего сегодняшнего, есть движение вчера в завтра. У молодежи оно острее, чем у нас, стариков.

А время, о котором так образно говорит Ильинский, неумолимо стремится из «вчера» в «завтра». И час отъезда приближается. Я интересуюсь его предстоящей поездкой.

— Еду с литературными концертами. Видите ли, став режиссером, я

вдруг понял тех актеров, которые мечтают вырваться из-под режиссерского ига. Мечтают стать свободными, самостоятельными художниками. Мечтал об этом и я в далекой молодости. Но только теперь понял, насколько мечта эта была правомерной.

Так вот, когда я еще не был режиссером и мечтал стать свободным актером, я обратился к художественному чтению. Увлёкся и полюбил его. И вот люблю всю жизнь. С годами рос репертуар. Сейчас он очень велик, и, думаю, что разнообразен. Часто, выходя на сцену, я не знаю, что буду читать. Желание рождается внезапно, когда смотришь в зал, ощущаешь его дыхание и напряженность. Рождаются слова, не свои, но давно уже ставшие своими. В работе над литературным материалом стараюсь найти ритм, присущий данному произведению, тот ритм, который связывает внутреннюю и внешнюю жизнь и делает одно целое из формы и содержания. Сейчас еду читать Чехова, Гоголя, А. Толстого, Маршана, Михалкова, а может быть, буду читать Андерсена или Дюде, не знаю. Это зависит от того, что придет в зал.

На традиционный вопрос о планах уже отвечаю некогда. Я чувствую это, хотя Игорь Владимирович, по-прежнему спокойно сидит в кресле. И все-таки он отвечает.

— Советские авторы Полянов и Масхин пишут сценарий—продолжение «Карнавальная ночь». Для меня это будет продолжением жизни Огурцова—моей роли в том фильме. Надеюсь, что сценарий будет интересным. Но пока они пишут, и сценарий неизвестно когда начнутся, я иду пьесу. Современную. Злободневную. Ищу для того, чтобы поставить ее у нас в Малом театре. Уже кое-что есть на примете. Но об этом—в другой раз. Пора...